

18+

Валерий Артемов

Мысли вслух

(сборник стихов)

Валерий Артемов

Мысли вслух. (сборник стихов)

«Издательские решения»

Артемов В.

Мысли вслух. (сборник стихов) / В. Артемов — «Издательские решения»,

Поэзия — любительский аспект времяпрепровождения досуга автора. Буду рад ознакомиться с отзывами и критическими замечаниями читателей.

Содержание

Мысли вслух	Минизмы1	6
Минизмы2		7
Минизмы3		8
Попытка рекламы		9
Спешу		10
Мой мир		11
Слова		12
Рождение стиха		13
Жемчужина		14
Стихи мои		15
Сны		16
Гимн вину		17
Отъезд		18
Язык любви		19
Длина жизни		21
Дом		22
Реквием		23
Скифы		25
Таинство		26
Чужие		27
Язык		28
Факел		29
Кончина		30
Надежда		31
Уфа		32
Он		33
Молодость		34
Разговор с душой		35
Конец ознакомительного фрагмента.		37

Мысли вслух (сборник стихов)

Валерий Артемов

© Валерий Артемов, 2026

ISBN 978-5-0070-8104-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Мысли вслух Минизмы1

1.

Он весь такой же, как индюк,
но индюка хоть в суп кладут.

2.

Мы ожиданием живём,
но знаем ли, чего мы ждём?

3.

Два мудреца вопрос решали:
кто между них двоих умней,
и криком так себе мешали,
что не понять, кто же дурней.

4.

Нет писем больше от любимой —
пришёл час песни лебединой.

5.

Как любишь ты с женою мать,
так дети будут вам внимать.

6.

Ты древнюю мудрость земле вороти
и в друга врага своего преврати.

7.

Мужчины беззащитны перед красотой,
как женщины дрожат перед фатой.

8.

Не спешите, друзья! Оглянитесь вокруг:
может, помощи просит единственный друг.

9.

В разлуке видятся нам встречи,
улыбка чья-то, чьи-то плечи.

10.

Всегда все повсюду ругают вино,
но всюду всегда ли виновно оно?

Миниизмы2

1.
Чем хороша собой любовь?
Тем, что, уйдя, родится вновь.
2.
Ведёт нас к славе путь един.
Кому-то он, как шаг один,
другой шагает до седин.
3.
Ничто на небе туча. Так вода.
Но даже солнце закрывает иногда.
4.
С горем тяжёлым спешите к друзьям,
с радостью скромной бежите к врагам.
5.
Она прекрасна в платье подвенечном,
но ...не продлится это вечно.
6.
Будь честен сам, тогда вокруг
лжецов сужаться будет круг.
7.
Плоди вокруг себя друзей.
Без них день горести черней.
8.
Предал ты друга своего,
и, значит, ты — палач его.
9.
Кто жаден — вовсе не богат,
богаче щедрость делает в 100 крат.
10.
Ленивый спит и спит, хоть утро миновало,
а после жалуется: ему на всё дня мало.

Миниизмы3

1.
Не спорь с глупцом! — Спор никогда
с ним утолить не сможет, как вода.
2.
Не торопись, начав свой путь.
Куда идёшь ты? — Вот в чём суть!
3.
Найдя любовь — не упускай,
вокруг всё рушится пускай.
4.
Вот мысль, хоть в помыслах бедна:
любовь бывает лишь одна.
5.
Оставь о вечности мечты.
Не забывай: жизнь — это ты!
6.
Чтоб твой закат не канул в ночь,
расти иль сына или дочь.
7.
Рождает женщина не человека,
чтоб стать им, нужно жить полвека.
8.
Ослу никогда не дано стать слоном —
хоть хобот имей он, а всё-таки гном.

Попытка рекламы

Без гор повымирают ламы,
а бизнес вымрет без рекламы.

Спешу

...близится моё молчанье...

И. Северянин

Спешу: осталось мало дней,
а я сказать хотел о многом...
Дрожит рука,
бумага в ней
с трудом глотает слог за слогом.
Кому полезен был мой стих?
Кому стал он судьбой,
отрадой?
Кто в нём нашёл след слов своих,
а, может быть, служил наградой?
Кому помог любовь найти?
Кто помирился в ссоре с другом,
иль как обрёл друзей в пути?
А кто-то справился с недугом?
Кто рассмеялся невпопад,
иль призадумался немножко
и взял свои слова назад,
а кто-то вытер слез дорожку?
Разнообразен путь стиха
к тем,
кто душой его внимает.
*Порой достаточно штриха,
чтоб в нём увидеть мир, бывает.*

Мой мир

*Чем глубже взор мой в суть вещей уходит,
...тем шире мир становится кругом...*

Р. М. Рильке

И сердцу и уму я пищу находил.

Е. Баратынский

Мой мир другому вряд ли интересен.
Что в нем найдет чужой досужий ум?
Сомненья? поиски? раздумья? —
слишком тесен
«полет» моих *невежественных* дум.
Мой ум буквально всё интересуется,
его лишь чудо делает другим.
Но зачастую радостно пасует
в вопросах быта.
Днем живя одним,
я предаюсь не свойственным мне мыслям:
*куда уходит, канув в бездну, день,
какую роль Творец отводит числам,
как порождает свет лучистый тень?*
Пытливый ум стремится дальше,
к звёздам,
где кроется загадка Бытия:
*как птицы путь по ним находят к гнёздам,
в чем феномен у них наития,
зачем деревьям каждый год под осень
смертельный пышный царственный наряд,
семь почему цветов небесных, а не восемь,
тьма языков, на коих говорят?*
На странностях нелепых мирозданья
покоится бессмысленная *жизнь* —
*бесцельное случайное блужданье
белковых тел и поминальных тризн,*
обрядами которые на свете
себе судьбу не могут угадать.
Безмолвно гаснут звезды на рассвете,
и ни одна не может днем сиять...
Нет,
есть одна,
которая мне светит,
не угасая, ярко целый век.
Давно меня лучи ласкали эти,
бурлила жизнь тогда, как воды бурных рек.

Слова

Летают звуки звонких слов...

А. Белый

Я так боюсь довериться словам:
они предательски мою раскроют душу,
чей тайный мир словами я нарушу
и потревожу ненароком хрупкий храм.
Та скорлупа, в которой я живу,
играет для меня роль жизненной защиты,
за ней мой мир домашний необжитый,
в часы вечерние где грежу наяву.
Лишь сумрак падает, неся с собою мглу,
уносит мысль меня в заоблачные дали:
они реальностью мне рано с детства стали,
и до сих пор несусь я им хвалу.
Мне кажется: меня не так поймут,
лишь стоит мне раскрыть для мира душу.
Нет, не поймите ложно: я не трушу,
но в откровениях есть свой какой-то блуд.
Меня, быть может, все фигляром назовут.
Бог с ними!
Но в словах мне виден отблеск мира,
не покидая стен своей квартиры,
я вижу явственно любой его закут.
И кажется, во мне слова живут,
звучат неслышно, уподобившись зарницам,
искре, блистающей во тьме темницы,
и вырваться не могут всё из пут.
Не умерли в моей душе еще *твои* слова.
Я бережно храню их прежние созвучья,
но изменились нынче мы собственноручно,
и между нами взрощена судьбой трава.
Но странно,
что слова теперь нам не нужны.
они для наших двух сердец теперь обуза.
Но ты стань для меня хотя бы Музой,
раз для тебя отныне чувства не важны.

Рождение стиха

*Но я не размышляю над стихом,
и право никогда — не сочиняю.*

К. Бальмонт

Сквозь мусор слов, нелепицу, аморфность
стучится мысль наружу из стиха;
спустя века тюрьмы, даётся ей возможность
заговорить от первого лица.
Она спешит, торопится напрасно —
её рождения на свет никто не ждёт:
рождаться мысли преждевременно опасно,
а запоздать — пропустит свой черёд.
На лист ложатся строчки-откровенья,
порядок слов как будто бы нелеп,
мысль скачет в рифмах строк попеременно
и прячется в слова, как тело в склеп.
И ничего на первый взгляд не происходит.
Сменяет ночь традиционно яркий день,
сезоны в срок приходят и уходят,
а солнце заставляет всех бросать повсюду тень.
Но незаметно смутно что-то проступает
в угрюмых взглядах страждущих людей,
и злость, скрипя, вглубь лика отступает,
и свет в глазах становится родней.
И зимы нынешние, вроде, злеют мягче,
и лето хмурое не так дождит паршой,
и солнце осенью, похоже, светит ярче,
и сердце каждое становится душой.

Жемчужина

Прекрасным мы порой не дорожим.
Микеланджело

Я обладал жемчужиной,
и вот
она теперь в других руках живет.
Ничто теперь не радует мой взор,
и в душу навсегда пришел разор.
Я обладал сокровищем,
но чьё
оно теперь украсило жильё?
Кто восхищается отныне втайне им?
Довольно ли оно хозяином своим?
Я обладал богатством,
но, увы,..
сегодня нищ, как ветка без листвы.
Бедны теперь желания мои:
в них нет желания искать другой любви.
Я обладал богиней всех времен,
но, видно, Богом не был я рождён.
Теперь со мной лишь призрак божества
и тень следов бывшего торжества.

Стихи мои

...но я воспоминаньями живу...

Петрарка

Стихи мои, узнавшие свободу,
ведут с людьми негромкий разговор.
Их голос был заведомо и сроду
тобой не слышен почему-то до сих пор.
Живём в мирах с тобой мы разных поневоле.
Кто был причиной отчуждения — вопрос:
обида то ли чья-то, жест какой-то, слово чьё ли —
сейчас неважно, кто что сделал и превнёс.
В итоге долгими тягучими ночами
мараю девственные белые листы,
и каждый день стоит разлука за плечами
и подло шепчет мне, что *ты* уже не *ты*.
Рука тревожно составляет буквы в строки,
из строк слагаются подобие тех лет,
и явь вчерашняя мне приближает сроки
и возвращает юность нашу нам вослед.
Чем больше в прошлом лет, тем нынче жизнь грустнее,
тем бесполезнее ложится в память стих,
слова не кажутся роднее и теплее
и чувств в душе не будят никаких.
Слова лишь бледный призрак прежних обстоятельств.
В них нету жизни прошлой, в них не льется кровь.
Хочу быть безо всяких отлагательств
все изменить
и до конца делить с тобою общий кров.

СНЫ

*Живу лишь своими снами,
что снились когда-то мне...*

Мигель де Унамун

Я стал твой образ забывать.
Ты мне давно уже не снилась.
Ложусь в холодную кровать,
твой образ вспомнить снова силясь.
Я погружаюсь в кладезь снов,
и в каждом ты вновь молодая,
глаза смеются между слов,
и мы живём, ещё не зная, —
судьба мечом коснётся нас
и рассечёт жизнь на две части:
одна — в которой было счастье,
другая — что живём сейчас.
Итог печален и суров,
а результат закономерен:
постель согреть не нужно дров,
жар двух сердец ей боле ценен.
Огонь — субстанция любви,
сгорают в нём сердца и судьбы,
знать наперёд в грядущем суть бы,
спастись от многих бед могли.
Но не судьба...
Планида зла
к нам благосклонною не стала:
сожгла наш храм любви дотла.
Сожгла и пепел разбросала.

Гимн вину

*Всегда все повсюду ругают вино,
но всюду всегда ли виновно оно?*

Автоэпиграф

Налейте бокалы полнее вина,
поднимем их разом и выпьем до дна,
а тех, кто считает вино за порок,
хозяйке велим не пускать на порог.
Ни капли хмельной не оставим на дне —
мы истину ищем в прекрасном вине.
Оно будоражит незрелую кровь,
в увянувшем сердце рождает любовь,
смелее мужчины становятся с ним,
и старец считает себя молодым;
у женщин стирает морщинки у глаз,
и служит началом невинных проказ,
ломает границы неровностей лет,
закат превращает наш в юный рассвет,
врагов примиряет и ссорит друзей,
рабов возвышает, низводит князей,
рассудок туманит и вяжет язык,
походку меняет великих владык.
Так выпьем за всё, что приносит вино:
за счастье минут, что дарует оно,
за то, чтобы утром похмелье прошло,
и новое солнце рассудка взошло,
за то, что в угаре нам грезы видней
и круг собутыльников ближе, родней,
за легкость, берущую корни в вине,
за юность, которая всюду в цене.

Отъезд

*Отсутствие мое большой дыры в пейзаже
не сделало...*

И. Бродский

Ты уезжаешь, кажется, надолго?
Застанешь ли меня еще в живых?
С сознанием выполненного долга
ты возвратишься из земель чужих
в свою до боли милую столицу
и вновь увидишь кинутый пейзаж,
а в нем почти забывшиеся лица
и между ними мертвый персонаж.
То буду я.
Вернее, то, что было,
когда ты уезжала от меня,
а нынче между нами здесь могила —
неброский холмик, под которым я...
На нем не будет даже обелиска,
ни стелы вычурной, ни камня, ни креста,
лишь тело под землей мое так близко
от ног твоих...
Под складками холста
услышу я шаги твои к моей могиле,
беззвучный плач, стенания, упрек...
Но для меня навек зашло вчера светило,
и я от вашей жизни стал совсем далек...
Теперь меня ничто здесь не тревожит,
я выше стал расчетов и обид.
Душа моя, представ на вечном ложе,
прощает всех, взывает и скорбит.

Язык любви

Любви бы вновь язык заговорил.
Е. Растопчина

Язык любви.
Таинственный и древний,
знакомый всем.
Он первый и последний
там, где есть жизнь.
И нет его древней
во всей Вселенной.
(Что мы значим в ней?)
Его законы знает каждый,
кто знал любовь взаимную однажды,
кто взгляд ловил
неповторимых глаз,
кто был любим
и кто любим сейчас...
В нём жест имеет силу царской власти,
жестокость палача.
И на две части
он разделяет мир
с седых времён,
хотя связал собою
тысячи имён.
И нет ему ни равных,
ни похожих —
он вечный гость
среди других прохожих
и будет вечно жить,
пока жива любовь,
покуда наша плоть
душою ищет кров...
Пока смерть впереди...
И слава Богу!
Пусть разум ищет
верную дорогу —
язык любви указывает путь,
и по нему всё время кто-нибудь,
страдаая, движется
и любит неизменно,
как любят в юности:
возвышенно и нежно.
Как любят божество...
И, может, потому
всегда ли сердце следует уму?

Кто любит — любит не напрасно.
Пусть ты обманут,
но ужасна
жизнь без любви!
Как мир теней:
ты в чувствах нем,
незряч,
душой бедней.
И каждый миг без чувства —
миг напрасный,
как без любви
любой из дней — ненастный.
Когда чувств нет,
молчит язык любви.
Мертва душа, утратив *визави*,
и блекнет мир вокруг,
окутанный туманом,
тускнеет взгляд любви
и меркнет.
Непрестанно
уходит молодость
и надо бы спешить,
покуда молоды,
и нам дано любить
мгновенья жизни золотые —
они среди дней мёртвых
лишь живые,
и мы их помним вечно потому,
что дни невзгод не нужны никому.

Длина жизни

Я не знаю — далёк ли иль близок мой путь...
Халифа аль-Вукьян

Кому известна длительность пути,
что нам придётся каждому пройти
по этой жизни, сетуя на Бога
за то, что нам такая выпала дорога?
Со всей ответственностью смею утверждать:
ее длины не будет нам хватать,
и сам процесс движения конечен,
и, значит, каждый крахом обеспечен.
Вот только лишь вопрос стоит весь в том,
когда и где встречать могильный холм?
А это неминуемо случится,
ведь жизнь — трагедия, где занавес — «гробница».
Для тех, кто думает, что тлен — удел других,
пусть вспомнит всех ушедших «вниз» родных.
Пусть вспомнит всех и тотчас ужаснётся.
Но *демиургу* всё никак неймётся,
он жаждет новых каждый миг гостей,
наш «глобус» — кладбище сплошное их костей.
Глядит в смятении Вселенная на Землю.
Ей невдомёк кощунство наших злых божеств,
я их стратегию по духу не приемлю
и жду узреть от них миролюбивый жест.
Всё вертится вопрос: где ж справедливость свыше:
один в младенчестве уже не дышит,
другой воз тянет до преклонных лет,
растягивая жизненный сюжет?
Приходит мне на ум одна причина:
Бог сам не знает каждого кончину.
Есть, верно, где-то высшее по духу существо,
у коего во власти наше естество,
и вот Оно всем миром управляет,
но подозрение: Оно про нас не знает.

Дом

*И вновь молюсь — войди же,
Сон, в мой дом!*

Д. Кимс

*Я был счастлив здесь, и уже не буду.
И. Бродский*

Здравствуй, дом!
Прощай, дорога!
Я у милого порога —
все осталось позади!
Больше, путь, меня не жди!
Я вернулся невредимым
на свиданье с милым сыном.
Не слезает дочь с колен —
сладок мне семейный плен.
Хороши, здоровы дети —
лучше счастья нет на свете!
Наливает мне вина
ненаглядная жена —
хорошо мне с ней вдвоём:
дети в нас — мы в них живём!
*Счастье каждого в простом:
дети, женищина и дом.*

Реквием

Солнце русской поэзии закатилось...
«Литературные Прибавления к „Русскому инвалиду“»

Угасло солнце нашей лиры —
разверзлось небо над Невой,
мглой половину мира скрыло,
и сумрак властвовал в другой.
Не стало нашего кумира —
умолк навеки.
Неживой.
Давно ль гордилась им Пальмира?
И вот теперь — в земле сырой...
В расцвете сил, в свой звездный час
наш светоч разума угас.
Парнас лишился командира,
Россия — гения и сына...
Земля на ум осиротела,
подобный Данте.
Стон кругом:
Россия юнкерское тело
дарило Вечности тайком!..
Рыдал холодный Петербург.
Но слишком поздно!
Слишком вдруг!
Могла ли мачеха-столица
потерей горькой укориться
чужого сына?
Так же всласть
балы давала знать и власть,
а тень убитого поэта
ещё жила на тех балах,
её ещё не тронул прах,
и тело, канувшее в Лету,
взывало к мести россиян
за смерть
поэта всех славян...
А что же вы, друзья поэта?
Где были вы тогда при этом?
Ну почему никто из вас
(хотя бы лучший друг Данзас)
не встал под дуло пистолета?
Пусть с вас сорвали б эполеты
и за дуэль подальше с глаз
сослали в крепость на Кавказ!
Но нет!

Никто не встал к барьеру:
все берегли свою карьеру!
И вот финал:
поэт убит —
певец свободы и харит...
Нет,
ты не умер!..
Ты живой:
в глазах людей твой виден пламень,
ты — наш *краеугольный* камень,
второе солнце над Невой!
Ты с юных лет владел умами,
повсюду царствовал твой стих,
как Бог, ты властвовал сердцами,
врачуя раны душ людских,
беспечно гением блистая.
От Альбиона до Китая
нет сердца, чуждого тебе!
Но как любим ты на Неве!!!
Ты — вечность нашего досуга,
питомец Севера,
сын Юга,
любимый общею молвой...
Чем дальше век твой отступает,
тем ниже голову склоняет
перед тобою твой народ...
В нем имя «Пушкин» не умрет!

Скифы

Да, скифы — мы!

А. Блок

Мы скифское племя, потомки Орды,
хотя в нас от *чуди* замес до *мордвы*.
Мы дикие, тёмные дети степей
и любим приволье до мозга костей.
Никто никогда нас не мог покорить,
мы — дети свободы, нас легче убить,
чем шею подставить набросить аркан.
Мы в добрых соседях со множеством стран,
но если кому-то не нравимся мы,
ну что ж, можем дать им любовь к нам *взаймы*.
Быть может, они добредут до нужды,
что добрый союз лучше подлой вражды.
История наша с древнейших времён-
строительство дома различных племён.
Мы всех принимали под руку свою,
и каждый нашёл своё место в строю.
*Мы стали землёй незакатной страны,*¹
и тысячи лет можем жить без войны:
у нас есть и реки, и горы, и лес,
моря, океаны со льдами и без,
мы в недрах имеем полмира богатств,
и нивы без счёта давать могут яств,
раздолье просторов не знает границ,
и зверя достаточно, рыбы и птиц.
Обилием всех мы прельщаем к себе.
Что может быть лучше рыбалки в тайге,
когда раздвигает заря ночью тьму,
костёр на поляне чуть тлеет в дыму,
светило встаёт, затмевая луну,
и свежий туман умывает страну.

¹ Л. Ошанин поэма «Александр Македонский»

Таинство

*В груди моей пламя тобой зажжено.
Ибн Абу Раббихи*

Ночь. Луна. В гостинной сумрак.
Ты под пледом в полутьме
у проёма, где почти мрак
отдыхаешь в полусне.
Проступает сквозь нечёткость
сладость линий черт твоих,
силуэт их, сбросив легкость,
на диване чуть притих.
Ты, возможно, жаждешь ласки?
Не волнуйся: раут наш —
ночь длиной, как на Аляске,
превратится в антураж.
Мгла Творцом даётся людям,
чтобы сдёрнуть с тайн печать:
лицезреть во тьме, что любим,
и найти к таинству гать.
Упоительное время —
миги мгливой тишины:
знак ронять святое семя
в час полуночной луны.
Всё трепещет при блаженстве,
гаснет разум, спит инстинкт,
чувства тонут в совершенстве,
спрятав время в лабиринт.
Бестелесность окрыляет,
превращая в вечность миг,
но душа сама не знает,
что за вечностью тупик.

Чужие

Порознь! — даже на ложе брачном...
М. Цветаева

Два чужих и разных человека
жизнь всю спят вдвоём в одной постели,
чувства их давно уже истлели,
но казнят себя они собой полвека.
Всё забыто: молодость и нежность,
страсть, влюбленность, преданность и чувства —
всё теперь похоже на распутство,
и осталась только стылая любезность.
Нынче рядом тело спящее не греет,
не волнуют кровь прикосновенья,
эпизоды жизни только где-то звенья
тех вериг, что держат их.
Имеет
только то значение в их жизни,
что для всех являлось прежде формой брака,
а теперь пылилось в недрах раки
и, по сути, представляли просто тризну.
Ни слова, ни взгляды здесь не значат,
лишь живет среди стен оболочка
тонкая и полая, как бочка,
а по существу судьба о счастье плачет.
Здесь сердца не жаждут биться вместе,
пальцы рук не ищут уз сплетенья,
грудь уже не знает жар томленья,
а постель — настил на лобном месте.
Два чужих и разных человека
прозябают целый век вдвоём без счастья,
раньше каждый был другого частью,
а теперь они бездушные калеки.

Язык

Как выскажусь моим косноязычием...

В. Ходасевич

Нет, не хватает мне таланта в самом деле
изящно выражать свою мысль лапидарно:
рифмую строки, подбирая еле-еле
слова, затасканные с древности, попарно.
Как, Боже, выразить обычными словами
боль сердца каждого в его тяжёлом горе,
всю скорбь, пропитанную горькими слезами,
немой укор судьбе в прощальном женском взоре?
Как передать, что сказано глазами,
подслушать звуки все, что шепчет людям море,
найти слова живые между нами,
нащупать истину в бесперспективном споре?
Язык невнятный мой, неточный, деревянный
не может высказать предельно ясно, точно
свое суждение, оценку,
словно пьяный
лаптями взмучивает грязь в канаве сточной.
Со дна вздымается вся гадость нашей речи,
а я пытаюсь сквозь нее узреть луч солнца,
но для меня редки, увы, такие встречи,
как лицезрение *микадо* для японца.
Бывает, правда, тьфу-тьфу, редкие удачи,
когда для рифмы до зарезу слог мне нужен:
ищу тогда в словах невзрачных, чуть не плача,
подобие на признаки жемчужин.

Факел

Так любовь коротка, так огромно забвенье.
П. Неруда

Как мало пламенных ночей
судьба нам в жизни подарила.
Иссяк внезапно наш ручей,
найдя в любви свою могилу.
С тех пор глотаю серость дней,
пустынность вечера и утра,
и с каждой ночью всё видней
в грядущем прошлое как будто.
Цепями с *прежним* связан я.
Оно меня не отпускает.
Года бегут быстрее дня
на склоне жизни
и не знают:
спешить бессмысленно всегда,
жить надо прожитой минутой
дни не вернутся никогда
в загробной жизни пресловутой.
Угаснет жизнь земная,
и
померкнут в памяти дни детства,
и вспыхнет факел вечности,
но мы уже не сможем греться.

Кончина

*Мы мним себя владыками судьбы,
Хоть в самом деле мы её рабы...*

В. Гёте

Стою на погосте у края могилы.
Орёл, с отдаленной поднявшись вершины,
глядит с интересом зрачком на меня:
— И кто же осмелился в эти края?
И что ему надо в далёком углу? —
И думает, видно:
— Я, брат, не пойму.
Зачем ты приехал, и что тебе нужно?
Мы тысячу лет здесь живём вместе дружно:
и люди, и звери, и птицы, как я,
мы издавна, вроде, большая семья?
— Меня привела в этот край, брат, кончина:
здесь сердце остыло недавно дивчины,
глаза потускнели, улыбка сошла,
и взгляд отрешился, и смолкла душа.
Она не успела напиться любовью,
познать материнства усладу,
и болью
наполнены были последние дни,
глаза целовали ей слёзы одни,
ладони мужские не гладили плечи,
подружкам своим было хвастаться нечем.
Зачахла, угасла, истаяла вся,
и вздох оборвался, вмиг жизнь унеся.
Исчезла бесследно в лазоревом свете:
ни строчки, ни слова нет больше *рунете*.

Надежда

Проходят быстро наши годы
волшебных красок юных лет:
жестоки правила природы,
и исключения в них нет.
Нас юность мигом забывает,
стремглав промчавшись, как тайфун.
В нём сущность наша увядает,
как лист под плач осенних струн.
Чем ближе к вечному порогу,
тем нам яснее: близок час,
и собираться в путь-дорогу
кому-то выпало из нас.
И озирая путь прошедший,
не усомнится ли душа:
а был ли прок в душе ушедшей,
что спит в могиле не дыша?
Зачем родился, жил и умер
цвети мечтавший вечно дух?
Кто подаёт на Землю зуммер,
кто нас изводит, словно мух?
Сначала юность нам давалась,
что стала старостью потом,
затем жизнь смертью оказалась,
а та — преддверьем в *вечный* дом.
Когда и где нам вечность вручат,
подарят молодость навек,
научат, дав волшебный ключик,
как вечно длить течение рек?

Уфа

Мне этот край воочию увидеть...

Мажит Гафури

Мой край, возлюбленный навеки!

Мустай Карим

С высоты орлиного полета
город мой глядит на Ак-Идель,
а она, не вняв его заботам,
убегает в степи, как газель.
Две сестры-реки себя обняли,
слившись крепко в вечный поцелуй,
каждый год их пойменные дали
будит эхом шумный сабантуй.
Нет на свете целом лучше града
для меня, похоже, чем Уфа,
хоть она не лучше Ленинграда,
но зато роднее, чем Москва.
Тихий вечер.
Шелест волн.
Дремота.
На утесе город-цитадель.
Сколько лет, являясь нам оплотом,
он глядит в прозрачную купель?
Над вечерним городом прохлады
опустилась белой пеленой:
этот город мне бросать не надо, —
шепчет каждый камень мостовой.
В сны мои приходят постоянно
улицы твои, огни, дома.
Здесь провел я молодость, но странно,
будто это было лишь вчера.
Спит в ночи жемчужина Востока,
ей судьбой указан звездный путь.
Я прошу тебя: не будь ко мне жестока,
дай хоть издали любить тебя чуть-чуть.

Он

*Все заботы ваши возложите
на Него, ибо Он печется о вас
Послание апостола Петра*

Он шёл в толпе.
Толпа гудела:
мир жаждал страстно перемен.
Жизнь диктовала бренность тела,
и дать никто не мог взамен
могил всем алчущим бессмертье,
исход поскольку всех — погост.
Таков закон, и с ним, поверьте,
вопрос был в сущности не прост.
В толпе посеялось унынье:
в ней каждый жаждал вечным стать,
но с первых дней Земли поныне
за это Бог велел страдать.
Тогда сказал Он:
— Вы все смертны,
поскольку волею мертвы,
в вас *духа* нет, вы все инертны
и не имеете, увы,
внутри себя, насколько знаю,
той божьей искры от огня
небесной веры.
Заклинаю
священным духом алтаря:
отныне я *Завет* нарушу,
и кто со мной к *Отцу* пойдёт,
тот обретёт за веру душу
и с ней в Рай путь себе найдёт.
Тогда-то станете бессмертны,
лишь тело смертно будет в вас,
и силы злые будут тщетны
взять вашу душу в смертный час.

Молодость

В тебе я вижу молодость свою,
но возраст мой ушёл, я полагаю.
Теперь я нем, но и немой пою —
беззвучно гимны новые слагаю.
Но слышишь ли в последних песнях ты
в тоске и горечи моих раздумий голос?
Всю жизнь с людьми я возводил мосты,
а вот с тобой не связывает волос.
Я далеко уже ушёл один вперёд:
мне следуют скелеты скорбных мумий,
вокруг тебя же радостный народ,
лишённый нынче горестных раздумий.
Твои друзья беспечно вдаль идут.
Они не ведают, что этот путь не вечен,
хотя известен всем его простой маршрут,
но всё коварство в том, что этот путь конечен.
Да, молодость — волшебный дар судьбы,
но долго ли продлится буйство крови.
Сдадутся старости все быстро без борьбы,
увянув, как цветок осенний в поле.

Разговор с душой

*Там несравненно всё — и небо, и растенья,
И воздух, и земля, одетая травой.*

Ибн Хамдис

Не дожидаясь слов ответа, спешу я *вновь* письмо писать,
так истомленная разлукой моя душа не хочет ждать.
Ей в этом мире много ль надо? Лишь кто-то в мире близкий был,
и чтоб встречал её с отрадой и верность ей всегда хранил.
Ну что возьмёшь с душонки тёмной? На ней ведь даже нет креста.
Ухта ей кажется огромной — вот как душа моя мелка.
Уж сколько раз я ей теяшил: мол, не надейся и не жди.
Ну что тебе желанья наши? Ну чем снег лучше, чем дожди?
Ну разве плохо жить без дома? Везде, где б ни был — дома ты.
Как вспомню: вечером истома тревожит прежние мечты,
костёр горит, туман садится, и мы в промозглой мгле сидим...
— Душа моя, чего не спится, ну что вновь видится за ним?
— А вижу я страну большую, где брату — брат, сестре — сестра,
где я с тобой вдвоём кочую, где дуют вольные ветра,
где нас встречают дорогие родные близкие сердца,
где видим мы глаза другие, родные близкие глаза;
страну, где любят с детства честность, страну, где любят с детства
ум.
Найди еще такую местность, где ценят счастье высших дум.
В ней расцветают райским садом искусство, музыка, любовь.
Нам б это всё казалось адом, и было бы не в глаз, а в бровь.
— Душа моя, ведь не бывает на свете стран, чем грезишь ты,
их всех невежество сметает мечом, огнём в тартарары.
Ну может час иль миг та честность прожить средь лживых и
худых?
Но чтобы это длилось вечность, не верю я.
— Волос седых
своей бы бабки постыдился иль деда, неслух, своего,
что в поле до ночи трудился за ради пуза твоего.
Мне в жизни много люди ввали, но я тебе не буду врать,
была честна с тобой вначале и мне с лжецов пример не брать.
В стране бытует между всеми родство не тел, а честных душ,
и подозрительности семя не смеет бросить строгий муж
своим собратьям по Парнасу. Ах, музы, музы! Только с вами
из зверя зреет человек, без вас меняясь веками,
не образумится вовек. И девять муз живут в почёте,
как будто граждане страны, а вся страна парит в полёте,
как мы, когда нам снятся сны.
— Душа моя! Какое дело нам всем до сказочной страны?
Ведь ты вчера совсем не ела, мы двое суток голодны.
И разве музыка, поэты сумеют вычистить любовь?

Кому из них под силу это, кому охота портить кровь?
Ведь не бывать у всех талантам, не все с рождения умны,
ведь и не всё давалось Данте. Заслуги наши же скромны.
Ведь кто-то должен жать и сеять овёс, пшеницу по полям,
чтоб мог баран до плова блять и шерсть растить на шубу нам.
И, значит, этим хлеборобам не до стихов и не до нот,
и в антураж промокшим робам совсем не смотрится блокнот.
И кто-то им любовь подарит, желаньем в полночь уведёт
и наготовю в пах ударит, бессильно в травы упадёт.
И будут все им безразличны: поэт, писатель, музыкант,
актёр, художник, как обычно любой заслуженный талант.
Так люд простой культуру «ценит», искусство «носит на руках»»,
мораль ему — предмет без цели, шедевры — видимость в кустах.
Кого ни взять, кого ни вспомни великих мира по сей день —
всех их преследовали козни, за каждым шла страданья тень.
— Уж больно мрачно ты рисуешь судьбу избранников богов
и скучно жизнеописуешь дни покорителей миров.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.